

Наталья Кузнецова

ОПАСНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЧЁРНЫЙ КОТЁНОК

#эксмогешство

Черный котенок (Эксмо)

Наталия Кузнецова

Опасная коллекция

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кузнецова Н. А.

Опасная коллекция / Н. А. Кузнецова — «Эксмо»,
2018 — (Черный котенок (Эксмо))

ISBN 978-5-04-090593-5

Только Ромка собрался записать события прошедшего лета, как началось новое приключение. Он и не подозревал, что встретит у метро одного из персонажей своего будущего детектива – жуткого типа, покушавшегося на жизнь Славкиной сестры. И тут же выяснилось, что из квартиры Славкиного дяди, коллекционера редких книг, похищены старинные фолианты. Но зачем закоренелому бандиту какие-то книги, причём не самые ценные?

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090593-5

© Кузнецова Н. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Вступление	6
Глава I	9
Глава II	13
Глава III	19
Глава IV	22
Глава V	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталия Кузнецова

Опасная коллекция

© Кузнецова Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Вступление

Унылая пора осень, в этом Пушкин, конечно, прав, а вот очарования в ней никакого нет, особенно когда она так рано приходит и забирает тепло», – глядя в окно на лужи и нависшие грозные тучи, думала Лешка. Простуженная, она не пошла в школу и сейчас, поеживаясь, обозревала окрестности. Опираясь лапами о подоконник, рядом с ней стоял Дик. Пес непогоды не замечал, ему хотелось побегать по лужам, и он любил холодную погоду.

Донесшийся со двора мальчишеский крик перекрыл шум дождя.

– Джим, ко мне!

Время подходило к обеденному, поэтому во дворе появился сосед и друг Славка со своим верным Джимом. Мальчик бросил псу палку, тот стремглав бросился за ней. Славка посмотрел на Лешкино окно и помахал ей рукой. Лешка с улыбкой ответила тем же. Джим принес палку, Славка дал ему что-то вкусное, пес в знак благодарности лизнул его в щеку. Славка не уклонился, а, взяв его лапу, поприветствовал ею Лешку. Смешной он, Славка. И добрый. Замечательный друг. И Джим весь в него, очень умный, Славка души в нем не чаёт.

А во дворе показался невысокий невзрачный человек с бородой, в серой потертой куртке, с тяжелой сумкой. Похолодев, Лешка на миг отпрянула от окна и позвонила Славке.

Из кармана куртки мальчик достал телефон и посмотрел вверх.

– Лешенька, ты одна? Тебе что-то надо?

– Нет-нет, – торопливо сказала Лешка. – Ты мне лучше скажи, кто это сейчас прошел мимо вас?

Славка повернул голову.

– Это? Виталий Петрович, наш новый слесарь-сантехник.

– Правда? А я-то подумала...

– На того самого похож, да? – сразу же понял Славка. – Я тоже так сначала подумал. Но глаза у этого добрые. А того больше нет...

– Я помню, Славик, я помню все. Просто вдруг всколыхнулось и стало страшно...

Договорить им не дал Джим – стал совать Славке камешек, и тот чуть не выронил телефон. А Лешка села на свой диван и мыслями унеслась в прошлое. Сначала всплыло ее знакомство со Славкой и то, что случилось прошлой весной.

Тогда в их дом переехал светленький мальчик, и Лешка стала встречать его во дворе гуляющим с породистой немецкой овчаркой по кличке Джим. Пес был красивым, послушным, охотно приносил хозяину палки и камешки, которые тот бросал, и Лешка часто на них заглядывалась. Однажды она увидела Славку – так звали мальчика, – он был какой-то растерянный и подавленный. Она спросила, что у него случилось, а он ответил, что пес пропал, и кажется, безвозвратно. Что оставалось ей делать? Только ему посочувствовать.

Но потом Ромкин одноклассник Артем пригласил весь свой класс к себе на дачу. Лешке тоже захотелось поехать, и она увязалась за братом.

В Медовке – так назывался дачный поселок, куда они приехали в выходной день, – было классно и весело, только Наташка Тихонова, воображая себя первой красавицей, уж больно кривлялась и задавалась, чтобы привлечь к себе внимание мальчишек, в особенности Артема. И не она одна, он нравился многим, Лешка это сразу заметила. Сама она держалась в сторонке – выпендриваться не умела и стеснялась в чужой компании.

Вдруг Артем предложил поиграть в осли. Для этого он сдвинул стулья и кресла, рассадил всех по кругу и спросил, кому хочется стать ведущим. Лешка неожиданно для самой себя – или в пику Наташке? – вскинула руку вверх и крикнула: «Я!»

– Ну хорошо, – легко согласился Артем. – Ты выходишь за дверь, а мы договариваемся, кто будет ослим. Когда позовем тебя назад, ты войдешь и громко спросишь: «Кто осел?» Мы

будем хором кричать: «Я!», а ты должна догадаться, кого мы избрали на эту роль. Угадаешь правильно – сядешь на его место, а «осел» станет ведущим и отправится за дверь.

– И все? – удивилась Лешка. – Так просто?

– Как видишь. Выходи и жди, когда позовем. И не подслушивай!

Буквально через минуту ее позвали назад.

– Кто осел?! – как и было велено, громко крикнула Лешка.

– Я! – дружно отозвались ребята.

Лешка оглядела компанию. Кто бы это мог быть? Может, Наташка Тихонова? Чего это она так усмехается? Нет, Наташка ни за что бы не согласилась назваться ослихой. Стас Конюхов? Валерка? Или Ромка? Ну, конечно, это Ромка. Не зря он теребит свою пуговицу и смотрит на нее подозрительно равнодушно.

Она указала рукой на брата.

– Ты – осел!

– Надо же, догадалась.

Ромка вскочил и скрылся за дверью.

Безмерно довольная собой, Лешка села на его место, и Артем назначил ослом Сережку Неделина.

– Только кричите громче, – попросил он всех.

Ромка вернулся в комнату и задал тот же вопрос:

– Кто осел?

– Я! – очень стараясь, изо всех сил крикнула Лешка и... оглянулась в недоумении. Ее вопль оказался единственным. Остальные молчали. А потом раздался дружный хохот.

Лешка сразу почувствовала себя маленькой и несчастной и от обиды не смогла найти нужных слов. Она злилась на Артема, на Ромку, на их класс и весь белый свет и еще больше на себя. И как она сразу не сообразила, что это такой прикол, самый обыкновенный розыгрыш? И как глупо выглядела она перед ребятами, а главное, перед Артемом.

Схватив свою куртку, она выскочила из дома и побежала куда глаза глядят.

А воздух в поселке был свежим, солнышко пригревало совсем по-летнему, под ногами зеленела первая травка, а встреченные дачники приветливо улыбались. И Лешкина обида улетучилась как дым: ведь на шутки обижаются только зануды, а у нее был легкий характер.

И тут ее внимание привлек дом с красивой мансардой. Лешка собирала красочные глянецовые журналы по интерьеру и дизайну и немножко интересовалась архитектурой. Ей показалось, что она видела такой дом на картинке, и потому подошла к нему ближе. И услышала, как за забором кто-то скулит. Она заглянула в щель, увидела собачью будку и около нее немецкую овчарку. Рыжая с черной спиной, она была очень похожа на пропавшего Джима.

Лешка припала к забору и вгляделась в пса. Глаза у него были тоскливые-претоскливые, хвост поджат, живот подтянут, а рядом стояла полная миска с едой, из чего следовало, что он отказался от пищи.

Джим! Точно, Джим.

Окрыленная находкой, Лешка понеслась к дому. И когда они вчетвером: она, Ромка, Артем и Славка – вернулись в Медовку, пес сразу узнал своего хозяина, и счастливый Славка получил своего любимца назад. Маргарита Павловна, владелица дома с мансардой, оказалась хорошей и доброй женщиной.

Но находкой собаки дело не ограничилось, и Славке снова понадобилась помощь друзей. Двоюродная Славкина сестра Ирка улетела за пределы России учиться гостиничному бизнесу, а агентство, направившее ее за границу, словно испарилось, его директор тоже пропал. И если бы Джим не узнал на улице похитившего его человека, это преступление вряд ли было бы раскрыто.

Этот опасный человек пойман так и не был. Должно быть, куда-то уехал, решили все и напрочь о нем забыли. Но настала осень, вот такая же, как теперь, грустная и дождливая, и история та продолжилась: неопознанный тип, как окрестил преступника Ромка, вновь проявил себя, и снова начались слежки, погони, засады, как в самом увлекательном детективе. И если бы Ромка, как собирался, написал от третьего лица обо всем этом книгу, то вышло бы, наверное, так.

Глава I

Одни неприятности

Та осень тоже наступила как-то вдруг, неожиданно и незаметно. И хотя знаки свои она раскидала задолго, в виде пожелтевшей травы и листьев, летающих в воздухе паутинок и быстро наступающих сумерек, тепло и яркое солнышко не давали поверить в скорое наступление холодов. Но потом пришли и они, зарядил мелкий дождик, небо сделалось серым, улица неприветливой.

В один из таких дней Лешка вдруг заболела и никуда не пошла. Проснувшись рано, она смотрела на плачущее окно, и ей казалось, что вместе с теплом ушло все хорошее, что было в ее жизни. Ушло – и больше никогда не вернется. И горло еще болит, глотать невозможно больно.

Но главная причина Лешкиной тоски заключалась, конечно же, не в простуде, а в том, что наступившая осень отняла у нее Артема. Недаром Ромка, цитируя свой любимый «Закон Мерфи», не раз предвещал, что, если какая-нибудь неприятность может произойти, она обязательно произойдет. Так и случилось. Артем уехал в Англию на учебу – на этом настояли его родители, и он не смог ничего сделать. Лешке от одного только известия о том, что она целый год не будет с ним видаться, сразу сделалось дурно, и хорошо, что в тот момент ее никто не видел: Артем сообщил об этом по телефону.

И их прощание оказалось совсем не таким, как она его себе рисовала. Лешка надеялась, что они выберут минутку, останутся наедине, и в последний момент он обнимет ее и скажет что-то такое, что придаст ей сил перенести разлуку.

Может, все так бы и было, но помешал Ромка.

Они стояли в аэропорту и ждали начала регистрации, Артем с родителями и они с Ромкой. У Ромки таяло мороженое, оно капало на пол, на его джинсы, текло по рукавам, и все совали ему салфетки, переживали из-за испачканной одежды, и Артем повел его мыть руки. А когда они вернулись, очередь подошла, родители Артема кинулись его обнимать-целовать, и он успел только хлопнуть Ромку по плечу, а Лешке пожать руку. И сказать, что будет им писать и звонить. А потом махнул из-за загородки рукой и ушел. А они зачем-то еще немножечко постояли и покинули аэропорт. И Лешкин мир опустел, стал холодным и неприятным.

Дождь пошел сильнее, его монотонный шум действовал убаюкивающе. Лешка вскоре заснула и не слышала, как папа выгулял Дика и привел назад, как потом родители ушли на работу, а Ромка – в школу.

Разбудил ее телефонный звонок. Лешка открыла глаза, потянулась за трубкой и, прежде чем ответить, бросила взгляд на часы. Ого, пол-одиннадцатого! Долго же она спала.

– Ольга, привет!

Голос в трубке был командным, надменным, и принадлежал ее однокласснице Насте Вавиловой.

Ольга – Лешкино настоящее имя, но так ее звали только посторонние люди, а близкие и друзья пользовались детским прозвищем, которое давным-давно и нечаянно дал ей Ромка. Мама рассказывала, как он, совсем еще маленький, учился говорить и старательно повторял все самые длинные слова, но они давались ему не сразу. Не выходило и «Олюшка», а получалось коротко: Лешка. Сначала взрослые ему подражали, а потом привыкли и настоящее имя почти забыли. Оно вспомнилось, когда Лешка пошла в первый класс. Правда, одноклассники, с которыми она тесно сдружилась, тоже стали звать ее по-домашнему, но Вавилова к ее подругам не относилась, потому звала по фамилии, а в редких случаях Ольгой. И поэтому Лешка очень удивилась ее звонку.

– Привет, Вавилова, – прохрипела она и закашлялась.

– Ольга, – повторила Настя, – а почему ты в школу не ходишь?

– Заболела я. Слышишь, как говорю? А что?

– Мы после уроков в аквапарк собрались. С Людкой Прониной и Наташкой Седых. Может, присоединишься к нам? Там, знаешь, как клево!

– Знаю, была там, – ответила Лешка, стараясь не показать своего все растущего удивления. Эти девчонки ее сроду с собой никуда не звали. Что это с ними случилось?

– А оттуда в кафешку зайдем, – почти пропела Настя. – Давай, собирайся и часикам к двум подходи к школе. Лады? А если к школе не хочешь, можем встретиться у метро.

– Нет, – Лешка покачала головой, будто Настя могла ее видеть. – Я на самом деле сильно больна. У меня температура высокая. Я даже собаку свою выгулять не могу, приходится папу просить или Ромку.

С сочувствием она взглянула на Дика. Пес в ответ лизнул ее высунувшуюся из-под одеяла коленку.

– Ну как хочешь, – разочарованно протянула Настя. – Кстати, ты случайно не в курсе, куда подевался Артем Кораблинов, который с твоим братом учился?

Лешка насторожилась.

– А что?

– Ничего, просто так. Девчонки просили узнать. С первого сентября его никто не видел. Так где же он?

Вот и разгадка! Теперь понятно, зачем ей позвонила Вавилова. Чтобы в аквапарке или еще где-нибудь разузнать про Артема. Они с Людкой давно мечтают с ним подружиться, еще с прошлого года. И не они одни, к сожалению.

– Кораблинов в Англии. Теперь он там учится, – как можно спокойнее ответила Лешка.

– Да что ты? А мы и не знали. И когда он приедет?

– Не знаю. Через год, скорее всего.

– Ну надо же! Пойду девчонкам скажу. Значит, не идешь с нами? – уточнила Настя уже без всякого интереса.

– Не могу.

– Тогда пока. Выздоровливай.

– Спасибо. Я постараюсь.

Лешка, вздохнув, положила трубку. Своим звонком Вавилова окончательно растравила ей душу. Артем вот уже несколько дней не давал о себе знать, ни разу не позвонил и не прислал ни единого сообщения. И еще этот дождь. Льет и льет, будто и не было лета, желтого песка с островками зеленой травы, теплой речки и Артема рядом. Вот бы им с Ромкой тоже в Англии поучиться! Но у их родителей таких денег нет и не предвидится. Мама заведует рекламным отделом в одной из газет, а папа преподает в институте, и все же заработки у них не бог весть какие.

Лешка подошла к столу и открыла альбом с летними фотографиями. Вот здесь они жгут костер в саду, а вот на пляже играют в волейбол с местными ребятами. А вот тут она сидит в лесу на упавшем дереве в обнимку с Диком. Оригинал, помахивая хвостом, стоял рядом, и она подумала, что одна радость у нее все же есть: Дик живет здесь с конца лета, и теперь она его полноправная хозяйка. Пес ее любит и беспрекословно ей подчиняется, а вот к Ромке относится без должного уважения. Вчера, например, сбежал от него в соседний двор обнюхав помойку, а когда Ромка потянул его домой, недовольно зарычал и идти отказался. Уперся всеми четырьмя лапами, и все тут, Ромка с трудом с ним справился. С ней Дик так не поступал никогда, понимал каждое ее слово. Вот и сейчас он смотрел на нее печальными коричневыми глазами, будто спрашивал: «Что с тобой, Лешка?»

Своим появлением в доме пес был обязан Артему. Если б не он, Дик был бы сейчас неизвестно где. Его хозяйка Маргарита Павловна собралась в Париж еще летом, и Лешка с

тревогой думала о том, что будет с псом и кто будет его кормить, когда лето закончится. Артем ее страданиям внял и пообещал, что Дик на улице не останется. И слово свое сдержал. Он попросил своего отца убедить ее маму в том, что без Дика Лешка не сможет ни есть, ни пить, ни учиться, одним словом, заболеет или вообще пропадет. Мама предпочла иметь здоровую дочь, и пес переехал к ним.

Лешка устроила Дику в своей комнате лежанку, но он определил себе место сам – на коврик у входной двери, потому что там прохладно, а ему в его густой шубе в городской квартире ужасно жарко. Однако, когда Лешка была дома, Дик о своем коврике забывал и не отходил от нее.

Лешка прошлепала в прихожую и подошла к большому зеркалу. На нее взглянула худенькая девчонка с вьющимися рыжеватыми волосами, большими голубыми глазами и осыпанным веснушками чуть вздернутым носом. Веснушек, которые жутко ее огорчали, сейчас стало меньше. Но и это ее не обрадовало. Если жизнь полосатая, то сейчас самая черная ее полоса, черней не придумать.

С такими мыслями она вернулась в постель. Взяла телефон. Позвонить Артему самой? Или написать?

Недолго думая, она так и сделала. Напечатала: «Где ты? Что случилось?»

Ответ не пришел. Интересно, почему? Чем он там занимается? Очень занят? А вдруг он просто-напросто о ней забыл? Может, в Англии у него началась новая жизнь, а о старой он и думать не думает?

Лешка без всякого аппетита съела маленький бутерброд, запила его чаем, села в другой комнате в кресло и включила телевизор. Шли новости с Ближнего Востока. В глаза бросился взорванный автомобиль, кровь на асфальте, санитары с носилками. Такие сцены давно стали привычными, и она, вздохнув, решила найти что-то повеселее. Но прежде чем переключить канал, увидела валяющегося среди груды обломков большого мягкого мишку, наверное, лишившегося своего маленького хозяина, и ее пронзила острая боль и одновременно – жуткий животный страх. А вдруг у них в Москве тоже что-нибудь взорвется? Ведь так не раз уже было: и дома взлетали на воздух, и вагоны в метро. И в Англии, где сейчас Артем, все это было, и нет гарантии, что не случится снова.

Когда болеешь, в голову лезут самые жуткие мысли. Лешка тряхнула головой, пытаясь отогнать страх, но не вышло. Перед ней вдруг всплыл вокзальный перрон, по которому она бежит за преступницей – спутницей того самого неопознанного типа. Злодейка садится в вагон, Лешка пытается ее остановить, та толкает ее на рельсы, а поезд неотвратимо приближается, усиливаются гром, стук колес... И если бы Славка не протянул ей тогда руку и с нечеловеческим усилием не выдернул бы наверх, она бы сейчас ничего не вспоминала. Однако тот испуг был внезапным и прошел очень скоро, а этот, липкий, почему-то остался, хотя она считала себя смелой и отважной девчонкой, и никто из друзей в этом не сомневался.

Из ящика письменного стола Лешка достала свой талисман – красивый перстень из горного хрусталя, подаренный ей Маргаритой Павловной. Она поднесла перстень к свету, и он заиграл всеми гранями. Вот бы он был волшебным и мог исполнить любое ее желание. И что бы она загадала? Ну конечно, чтобы они снова оказались в Медовке: она, Артем и, так уж и быть, Ромка. И тогда бы ей снова стало весело и легко.

Но, увы, чудес не бывает. И почему кругом одни неприятности? Еще и заболела зачем-то. И как болит голова! Ни порисовать, ни почитать. И еще, как назло, не работает Интернет: скорее всего, в подъезде кто-то оборвал кабель, – и чинить его, похоже, никто не спешит. Лешка включила музыку, легла, откинулась на подушку и снова уснула. Дик сопел на полу рядом с ее диваном.

Пес ее и разбудил – потянул одеяло зубами. Привстав, Лешка взглянула на часы. Половины дня как не бывало. Мама говорит, что больным спать полезно. А Дик встал лапами на

диван и ткнулся мокрым носом в ее плечо. На собачьей морде был написано: «Почему не встаешь? Я гулять хочу, не видишь ты, что ли?»

Где же Ромка? Занятия давно кончились, а его до сих пор нет.

Она схватила телефон, чтобы ему позвонить, но во входной двери заскрежетал ключ.

– Эй, что так долго? Мы тебя ждали.

– Нас на классный час задержали. Есть хочу, умираю просто.

Ромка, не разувшись, протопал на кухню и распахнул холодильник.

– Сначала, пожалуйста, с Диком погуляй, он давно просится, а я тебе пока обед разогрею.

Вернешься и поешь, – накинув халат, смиренно сказала Лешка.

– Опять твой Дик! – Ромка страдальчески вздохнул, но не стал перечить больной сестре. – Так и быть, схожу с ним. Но учти, ненадолго. На пять минут. Меня Славка ждет.

«Ладно, хоть так», – подумала Лешка, надевая на пса ошейник. Она выздоровеет, и Дик еще нагуляется.

– А ты взрывов не боишься? – проводив их до двери, как бы между прочим спросила она.

– Чего? – не понял Ромка.

– Ну, что ты будешь идти или где-то там ехать, а тебя вдруг взорвут какие-нибудь террористы.

– Совсем сдурела? – Ромка покрутил у виска пальцем. – Да кто ж об этом думает? Только чокнутые. А раз так – лечиться надо. Ведь чему быть – того не миновать. Пошли! – сказал он Дик и потянул его к двери.

Глава II

Ложная тревога

Еще до того, как у Лешки поселился Дик, она воображала себе, как они со Славкой гуляют вместе со своими овчарками: он – с немецкой, она – с кавказской, – и все заглядываются на их больших красивых собак. Однако ее мечта успехом не увенчалась: псы между собой не ладили.

Когда Лешка вывела во двор в первый раз своего Дика, то хорошо воспитанный Славкин Джим, виляя хвостом, довольно миролюбиво подошел к незнакомцу, чтобы его обнюхать. Но Дик на него грозно рявкнул, и Джим в долгу не остался. Обнажив клыки, он кинулся в драку, еще секунда – и псы сцепились бы насмерть. Тогда от греха подальше Славка утащил своего любимца в другой двор, а Лешка утянула Дика домой. Следующая попытка была еще плачевнее – Джим, завидев чужака, сразу не стал церемониться, и опять они друг друга чуть не загрызли.

Вот и Ромка знал, что Славка не выйдет гулять с Джимом, пока они с Диком не уйдут со двора, и поэтому быстро обошел с ним несколько кустов и привел домой.

– Сам виноват, недоразвитый, – швырнув поводок на пол, сказал он, обращаясь и к Лешке и к псу одновременно. – Ладил бы с Джимом и гулял бы себе, сколько влезет.

Быстро поев, Ромка выбежал во двор, где его уже дожидался Славка. Джим бегал неподалеку.

– Все-таки немецкие овчарки лучше кавказских, – заметил Ромка. – Гуляй с Диком – не гуляй, никакой тебе благодарности. Глупый он, невоспитанный.

– Просто ты его не любишь, и он это чувствует, – возразил Славка.

– За что его любить, если он не любит меня? Ладно, говори, что будем делать.

– Мне к дяде Андрею надо зайти. Он у меня, сам знаешь, не только преподаватель, доцент, но еще и библиофил – книжки редкие собирает. Знаешь, сколько их у него? Хоть отбавляй. Первым начал составлять библиотеку наш прадед, потом его дело продолжил дед, а теперь все это добро дяде Андрею досталось. Я хочу попросить у него одну редкую книжку о Пушкине. У нас сочинение завтра, ты не забыл? Или у вас оно в другой день будет?

Славка был Ромкиным ровесником, но учился не в его классе, а в параллельном.

– И у нас завтра, – досадливо поморщившись, припомнил Ромка.

– Вообще-то дядьке надо бы позвонить, может, ни его, ни Ирки еще нет дома. – С озабоченным видом Славка похлопал себя по карману. – Я телефон забыл. Дай-ка мне свой.

– И я свой дома оставил. Но это же рядом, давай пройдемся. Все равно ведь гуляем.

Славка окликнул Джима, и, пока брал его на поводок, мимо них прошел небольшой мужичок в серой кепке, грязной засаленной куртке и не менее грязных брюках. Он не обратил бы на него внимания, но Ромка принял подобострастный вид и заискивающе улыбнулся.

– Здравсте, дядя Витя.

Мужичок хмуро ему кивнул и быстро прошел вперед.

– Кто это? – удивился Славка.

– Кто, кто! Слесарь наш. Не знаешь, что ли? Ну да, ты ж недавно сюда переехал. Он краны чинит и все такое. Мама говорит, к нему нужно относиться с подчеркнутым уважением, а то он или не придет когда надо, или схалтурит, и тогда мы зальем соседей.

Славка вдруг переменился в лице, из добродушного оно стало гневным.

– Так это тот самый ворюга?!

– Почему ворюга?

– А он у нашей Ирки золотую цепочку стырил. Она на виду лежала, а после его визита как испарилась. Больше к ним никто из посторонних не приходил, только этот Виктор Иванович что-то там исправлял. Значит, это он самый и есть.

– А когда он к ним приходил?

– Примерно месяц назад.

– А они в полицию обращались?

– Нет, не стали. Потому что Ирка цепочки хватилась не сразу, а не пойман – не вор. Просто теперь за ним следить надо. Учти на будущее, если он к вам придет что-нибудь ремонтировать.

– Римский философ Сенека сказал, что пьянство – это добровольное сумасшествие. Что возьмешь с алкаша? – пожав плечами, философски заметил Ромка. – А то, что дядя Витя наш пьющий, известно всем. Увидел вещь, взял на пропой, обычное дело. Видно, похмелиться хотелось. Его пожалеть надо и полечить. Он больной и несчастный.

– Вот и жалею, пока он у вас ничего не стырил. Знаешь, что, ты постой здесь с Джимом, а я один к дядьке сбегаю. Зачем вам со мной ходить, лишнюю грязь таскать.

Славка отдал Ромке собачий поводок и скрылся в подъезде.

Ромка отошел к кустам, куда потянул его Джим, и вдруг снова увидел сантехника. Тот стоял в сторонке, у другого куста и неотступно смотрел на свои часы. По всей видимости, дядя Витя кого-то ждал.

А издали послышался автомобильный гул, и к подъезду с ревом, на большой скорости подкатила полицейская машина. Из нее выскочили вооруженные люди в форме и бросились в дом, чуть не сбив с ног Славку, который как раз выходил из двери.

Славка развел руками.

– Пусто. Ни дядьки, ни Ирки. Не пришли еще. А к кому это менты приехали?

Ромка пожал плечами.

– Пойди глянь, если охота.

Славка побежал назад. Ромке тоже захотелось посмотреть, что там случилось, но не оставлять же Джима на улице. Он обернулся. Дядя Витя не ушел, а тоже с интересом наблюдал за входом в подъезд.

Ромкино неведение длилось недолго: полицейские и его друг вышли одновременно.

– Представляешь, они приезжали к нам, к дядьке моему то есть, – взволнованно сказал Славка. – В охрану поступил сигнал, как выяснилось, ложный, так как дверь никто не открывал и в квартире никого не было.

– Бывает, – спокойно заметил Ромка. – Машины же без конца пищат, те, что с противотуманными устройствами. Даже когда их чуть-чуть заденешь. Вот и тут что-то не так работало.

Славка перевел дух.

– А я уж было испугался. Помнишь, я и весной боялся, что дядьку ограбят? Что его книжечки драгоценные пропадут.

– А пропала Ирка.

– Да уж, лучше бы книжки. А потом, после того как ее чуть было не сбил машиной тот страшный тип – помнишь? – дядя Андрей за нее так боялся, что никуда из дома не выпускал. И теперь еще по вечерам одной ходить запрещает. Или ее кто-нибудь из знакомых до самой двери провожает, или он сам ее из метро встречает. И квартиру свою на охрану поставил. Видишь, как она работает? Как часы, безотказно.

Ромка проводил полицейский автомобиль взглядом.

– Слушай, а вдруг тревога была не ложной и на книжки твоего дядьки все-таки покушались? Они у него старые, значит, ценные, загнать можно дорого.

– Не старые, а старинные, раритетные, то есть редкие очень, – поправил Славка. – Какая разница, покушался, не покушался? В любом случае вор понял, что ему туда не попасть.

– А может, вор все же был? – подумал вслух Ромка. – Тот же дядя Витя решил опять золотишком разжиться. Сунулся, опомнился и сразу же смылся.

Однако Славка такое предположение опроверг.

– Да у них с золотом не густо, поживиться особо нечем. А книжки алкоголикам не нужны, они в них не разбираются и вряд ли читают. И потом, раз дядя Витя у них раньше был, то не мог не усечь, что квартира на охране стоит. Чего же тогда зря соваться? Тем более что он здесь во всех квартирах бывает и отлично знает, кто как живет, к кому стоит лезть, к кому незачем. Да этот твой дядя Витя, по большому счету, и не вор вовсе, а просто нечист на руку. Не профессиональный, в смысле, вор, иначе б давно попался. В том случае, должно быть, его просто попутал бес. Цепочка-то на самом виду лежала.

Ромка покивал.

– Наверно, ты прав. Дядя Витя, в общем-то, мужик неплохой, когда я был маленьким, он даже мне нравился. Казался большим, надежным. Один раз машинку мне починил. Да я и сейчас, в принципе, хорошо к нему отношусь. Но водка, как говорят, до добра не доводит.

– Это верно.

Оставив в покое слесаря, Славка переключился на уроки и предстоящее сочинение.

– Вечером, когда пойду гулять с Джимом, снова к дяде Андрею зайду за книжкой, чтобы успеть подготовиться. А ты что, не будешь?

– А чего там готовиться? – Ромка беспечно махнул рукой. – Подумаешь! Несколько цитат выучил и куда надо вставил.

– Счастливый. Я так не могу.

Ромка пожал плечами.

– Сочувствую. Но могу научить.

Сказать по правде, он слукавил. Литературы Ромка боялся, и еще как. Вера Анатольевна «шпор» не терпела и следила за всеми, как заправский сыщик. Поэтому готовить «бомбы», то есть целые сочинения, которые подкладываешь после того, как сделал вид, будто все написал, не имело смысла. К тому же строчить такие «бомбы» – еще тот труд! Это ж сколько надо писать! А у него еще по математике тьма нерешенных задачек. Поэтому Ромка возвращался домой с тяжелым грузом несделанных уроков. А он любил заниматься только тем, чем самому хотелось.

«Хорошо Лешке, – невольно позавидовал он. – Учить ничего не надо, лежи себе и лежи. Рада, небось, до беспамятства, что болеет».

Но когда Ромка увидел сестру, зависть его прошла. Лицо у Лешки было не счастливым, а очень даже несчастным. Она сидела на своем диване и с грустным видом считала деньги. За ней, как обычно, внимательно наблюдал Дик.

– Эй, а с чего это ты такая безрадостная? Ни уроков тебе, ни с Диком гулять. И деньжищ накопила вон сколько! У меня столько нет!

– Не ври. А на попугая?

– То не считается. Я их отложил и больше ни на что тратить не буду. Но когда он у меня еще будет, попугай этот? И маму боюсь спросить, и Дик твой тут путается. Куплю – а он его слопаёт. А с тобой-то что? Я же вижу, ты какая-то не такая.

Лешка громко вздохнула.

– Думаешь, хорошо весь день лежать дома? Девчонки наши в аквапарк поехали, а я тут. Одна.

Она сложила деньги в кошелек, укрылась с головой одеялом и отвернулась к стене.

Сострадание Ромке не было чуждо. Он подошел к сестре, положил руку на плечо.

– Эй, не парься! Сегодня что? Понедельник. Зуб даю, аквапарк закрыт, там какая-то профилактика. Так что твои глупые курицы туда напрасно поперлись.

Лешка дернула плечом.

– Ну и что? Значит, так погуляли. Все равно им всем вместе весело. А мне – нет. И отстань от меня.

Она, конечно же, не добавила, что больше всего ее огорчает то, что от Артема нет никаких известий. А что может быть хуже неизвестности? Да нет, никакая это не неизвестность, просто он забыл о ней окончательно. Конечно, ему там и без нее хорошо. А ей здесь плохо. И вообще все плохо, не так, как летом. И так уже никогда не будет. И вообще ничего хорошего больше не будет.

Ромка не отстал, а легонько ее растормошил.

– Лешк! А я знаю, что с тобой происходит.

– Ничего ты не знаешь.

– Учти на будущее, я знаю все. Просто возраст у тебя переходный, вот ты и страдаешь. Собрала все неприятности в одну кучу и маешься. А на самом деле у тебя все классно.

– У меня? Классно? С чего ты взял? – пробурчала из-под одеяла Лешка. – Объясни, пожалуйста.

– Про что объяснить? Про возраст или про «классно»?

– И про то, и про другое.

– Ну, про возраст знает каждый дурак.

– А у тебя он, что ли, не переходный?

Ромка хмыкнул.

– Нашла с кем сравнивать. Со мной! Я – это совсем другое. Я к каждой проблеме философски подхожу, анализирую свои чувства и потому с ними легко справляюсь.

– Да что ты! – высунув голову, изумилась Лешка. – А я и не замечала. Теперь буду знать. А у меня почему все классно?

– Ну, ты симпатичная и не дура, разве этого мало?

Слова брата Лешке чрезвычайно польстили. Но она этого не показала, а, потупив глаза, спросила:

– Это только ты так считаешь?

– Не только я. И Славка, и Темка...

– Они сами тебе сказали?

– Ну да, а кто же еще.

Лешка сбросила с себя одеяло и встала. Ее настроение, как столбик ртути у попавшего в тепло градусника, быстро поползло вверх, и она сразу же перестала кукситься. Артем всего три дня не пишет и не звонит, ну и что? Значит, не может. У них там спорта много, соревнования то и дело, может, он сейчас на них занят. Или уехал куда-нибудь на экскурсию, а телефон не взял. Ромка ж свой мобильник без конца забывает, и Славка тоже.

Она усилила тихо звучащую музыку и улыбнулась впервые за день. Быть может, и вправду все не так плохо, как она думает?

– И еще у тебя есть я, – многозначительно добавил Ромка, и это тоже ее порадовало. И вправду есть с кем поговорить и в аквапарк потом съездить.

А Ромка пошел на кухню. Там он снова поел, вернулся к себе, поклонился по комнате, напряг всю свою волю и уселся-таки за уроки. Вспомнив о предстоящем сочинении, включил компьютер проверить, не появился ли Интернет, чертыхнулся, вскочил, притащил с кухни табуретку, залез на нее и стал тянуть на себя огромный бордовый том «Большой Советской Энциклопедии» на букву «П». Старая многотомная энциклопедия находилась у них не в самом шкафу, а плашмя венчала его сверху, чтобы хватило места для других книг. Том на букву «П» лежал в самом низу одной из стопок, поэтому другие книги сорвались вниз, и если бы Ромка не отклонился, ему бы не поздоровилось. А так тяжелый фолиант только задел плечо.

– Это что, – сказал он прибежавшей на грохот Лешке, – есть книжечка, которая, если на голову свалится, сто процентов угробит. Слышала о такой?

Лешка покачала головой.

– Тогда знай. Самая тяжелая в мире книга хранится в Пражском университете и называется «Кодекс Гигас», а иначе – «Библия дьявола», потому что в ней есть изображения всяких чертей и прочей нечистой силы. Она чуть ли не метровой длины, весит семьдесят пять килограммов, обложка ее деревянная, листы пергаментные, и на их изготовление ушли шкуры аж ста шестидесяти ослов! Это я все случайно запомнил.

– Ты все, что не нужно, помнишь. Жалко осликов, – усевшись в кресло, вздохнула Лешка.

А Ромка нашел параграф, посвященный Пушкину, и через некоторое время, возбужденный, обернулся к сестре.

– Лешк, гляди-ка! Пушкин-то, оказывается, быстрее писал, чем компьютер. Он в своем Болдине из-за холеры застрял и три месяца не мог оттуда выбраться, так как карантин кругом был. И вот за это время, с третьего сентября по тридцатое ноября, он – вот тут написано – создал около пятидесяти произведений самых различных жанров. Нет, Лешка, ты только послушай! И «Маленькие трагедии», помнишь, они еще по телику шли, и повести Белкина... К тому же настрочил тридцать стихотворений и своего «Евгения Онегина» дописал.

Лешка удивления брата не разделила.

– Ты прям Америку открыл. Об этом ведь каждый знает. Я младше тебя, но даже мы вкратце это все проходили.

Ромка поднял палец вверх.

– Вот именно что – проходили. Проходят Пушкина все. И «Болдинскую осень», и все остальное. Но в факты никто не вдумывается, воображение не включают, запоминают – и все. А ты можешь себе представить, как он чисто физически умудрился это все накатать? Всего за каких-то три месяца, даже меньше? В те времена ведь не только компьютеров, машинок пишущих – света не было! Ты помнишь, когда первая лампочка появилась? Кто хотя бы ее изобрел?

– Изобрел? К-кажется, Эдисон.

– Верно. Ну, а когда перестали свечки там всякие жечь, лучины и фонари газовые?

– Н-не помню. Но в начале прошлого века свет уже везде был.

– Плохо ты физику учишь. В девятнадцатом веке, в восьмидесятом году появилась первая лампочка. Запомни это. А Пушкин в начале века о ней не мечтал и даже не подозревал, что такое чудо вообще возможно. Просыпался рано утром – а я еще прочитал, что он любил в постели писать, – и, значит, не вставал, а лежал себе на кровати и строчил со страшной скоростью. Да не ручкой, а гусиным пером. А если бы ему компьютер подсунуть?

– Ты забыл, что он гений был? Это во-первых. А во-вторых, – назидательно произнесла Лешка, – получается, дело не в компьютере вовсе. Когда знаешь, о чем писать, чем угодно напишешь.

– Это ты про мой роман, что ли?

– Про что же еще? Компьютер у тебя есть, что ж не пишешь? А то забудешь все, что с нами было весной.

– Не забуду. Я этого никогда не забуду! – патетически воскликнул Ромка. – И как писать его, знаю. Но где взять время? Может быть, если бы меня куда сослали или холера какая свалилась и карантин ввели, то я бы засел и написал такое, что Пушкин бы позавидовал. А то ж приходится заниматься ерундой всякой. К сочинениям готовиться, уроки делать... С Диком твоим гулять, между прочим.

– И не стыдно?! – взвилась Лешка. – Ты сколько раз с ним гулял? За все время, что он у нас тут живет? Раз пять или шесть? И то по пять минут. А вот с Джимом Славкиным – без конца и подолгу!

– А, да, – не собираясь оправдываться, вспомнил Ромка. – Сегодня Славкиного дядьку, похоже, ограбить хотели. Но квартира у него на охране, полиция мигом примчалась – и никого.

Вор исчез. Даже дверь не открыл. Не смог, наверно. Или его вообще не было, а сигнализация сама сработала.

– Значит, ничего не украдено?

– Вроде нет. Если бы что, Славка бы уже раз сто позвонил.

Ромка встал, прошелся по комнате, подошел к окну, посмотрел во двор. Пушкина учить не хотелось. Артем бы ему помог, а со Славкой у них темы разные.

– А плохо без Темки, да, Лешка? Был бы он тут, у меня бы проблем было меньше. И по физике, и по английшу. И вообще...

Лешка промолчала. Не рассказывать же Ромке, как скучает по Артему она и страдает без общения с ним.

Вечером позвонил Славка. Ромка был в ванной, и телефон взяла Лешка.

– Славик, как дела? У твоего Андрея Александровича все, надеюсь, в порядке?

– В общем-то, да. Правда, на косяке он нашел малюсенькую царапинку. Кто-то, видно, все же хотел открыть дверь, но не сумел и сбежал.

– Может, то все же был дядя Витя? – подключившись к разговору, предположил Ромка. – Ну да черт с ним. Славк, а ты к сочинению подготовился?

– Нет еще. Сейчас сажусь. А ты?

– А то! Все в ажуре.

Однако Ромка хвастался зря. На уроке литературы вместо «Болдинской осени» ему выпало описывать ссылку Пушкина в село Михайловское, а на этот период жизни поэта он внимания почему-то не обратил. Сочинение получилось совсем коротеньким и нескладным, но Вера Анатольевна, как ни странно, разрешила ему переписать его дома и принести на следующий день. Ромка решил ее доверие оправдать и заняться этим сразу после уроков.

Но когда он пришел домой, Лешка протянула ему оставленный мамой рецепт: кончилось лекарство, и Ромке пришлось сходить в аптеку.

– Ни минуты покоя, – ворчал он, надевая на Дика ошейник. – Славку, что ли, позвать?

И он позвонил другу.

– Ты своего Джима еще не выгуливал? Ну и ладно, подождет. Сходи сначала со мной, я в аптеку зайду, а ты Дика поддержишь. По сто раз на дню ходить времени нет. Уж скорее бы Лешка выздоравливала, так мне ее монстр надоел.

Лешка сделала вид, что не слышит. Она и так чувствовала себя всем обязанной и очень переживала, что не может сама гулять с Диком, которому не хватало тех коротких минут, что уделял ему Ромка.

Правда, температура у нее спала, горло саднить стало меньше, голова прошла, то есть болезнь вошла в свою приятную фазу: можно было читать, смотреть телик, сидеть за компьютером и при этом не ходить в школу и не делать уроки.

Глава III

Страшный бородач

Мальчишки встретились во дворе и направились к метро – аптека была там. Дик не хотел идти рядом, рвался то в одну сторону, то в другую. Ромку это безумно раздражало, и он отдал поводок другу.

– Ты к собакам больше привык. Может, ты с ним поладишь.

А сам подбежал к киоску, оглядел витрину и поманил к себе Славку. Когда тот подошел, Ромка указал ему на брелоки.

– Смотри, рыбка. Как настоящая и очень похожа на твою, новую.

У Славки был большой аквариум, в нем плавали самые разные рыбки, а особую его гордость составлял недавно приобретенный разноцветный попугайчик.

Ромка не унимался:

– Клевый, да? И недорогой. Давай тебе купим. Будешь свою рыбку без воды всем показывать. И сам любоваться, когда захочешь.

– А тебе не надо?

Ромка затряс головой.

– Мне живой попугай нужен, и не рыбка, а птичка.

– А у меня и так три брелока есть.

– Значит, будет четыре. Или пять. – Глаза у Ромки загорелись. – А знаешь что? Пусть у тебя будет новое хобби. Давай ты займешься коллекционированием брелоков? Знаешь, как интересно что-нибудь собирать! Коллекционеры – самые счастливые люди на свете. Они думают только о пополнении своих коллекций, и ничто другое их не волнует. Вот и ты таким будешь. Счастливым, хочешь сказать.

– У меня дядька коллекционер, библиофил то есть, но его и многое другое волнует, – возразил Славка. – То есть постоянно счастливым он себя не чувствует.

– А ты спрашивал? Короче, подумай. Если надумаешь, мы с Лешкой будем твою коллекцию пополнять. У Олега Пономарева с нашего двора тоже несколько лишних брелоков валяется, он отдаст.

– У меня, правда, и других дел много, но я подумаю над твоим предложением, – задумчиво разглядывая витрину, обстоятельно ответил Славка.

– Подумай-подумай. А кстати, знаешь, как называется человек, который коллекционирует брелоки?

Ромкин друг наморщил лоб.

– Вроде слышал. А как, скажи. Что-то в голове вертится, но не могу вспомнить.

– И не вспомнишь. А я знаю.

– Ну и?

Ромка открыл рот и смолк. Это слово было в газетной вырезке, где перечислялись разные виды коллекционирования. Он выучил их наизусть, чтобы поражать друзей своими очередными познаниями, и нате вам – не смог вспомнить. Эту вырезку он носил в кармане и сейчас за ней полез, чтобы незаметно взглянуть на забытое слово. Но вдруг Дик увидел кошку и, как ужаленный, рванулся за ней, чуть не сбив Славку с ног. Ромка уцепился за поводок и помог другу удержать пса.

– Вот бешеный! И за что мне такое наказание? – взмолился он жалобно. – А Лешка его умным считает.

– Молодой еще, несдержанный, – без всякого раздражения сказал Славка. – Собаки умнеют после двух лет.

– А мы даже не знаем, сколько ему лет. Может быть, больше двух, и ждать от него уже нечего.

Ромка вспомнил про свою вырезку и полез в карман. Но там было пусто. Значит, когда он кинулся за Диком, ее уронил. Он огляделся. Ветер вздымал опавшие листья и разносил во все стороны. Также улетел и небольшой бумажный клочок с занятой информацией.

Ромка огорчился, но Славка о слове ему не напомнил. Замерев на месте, он пристально посмотрел на дорогу.

– Глянь-ка, опять твой дядя Витя идет.

Ромка посмотрел. Знакомый слесарь-сантехник спешил за каким-то бородатым мужчиной. Тот был в надвинутой на лоб кепке, потертой кожаной куртке и с большой спортивной сумкой в руках. И весь он был каким-то неприятным и неопрятным.

Острым цепким взглядом бородач окинул друзей и еще быстрее зашагал к метро. Маленький дядя Витя едва за ним поспевал.

– Кого-то этот мужик мне напоминает, – проговорил Ромка, не отрывая взгляда. – Очень напоминает. Не усну теперь, пока не вспомню.

– Да таких полно. Он неприметный, как все те, что у пивнушек толкуются. Хотя мне тоже кажется, что он на кого-то похож.

– Вот и я говорю... Держи Дика крепче, а я пока сбегая...

Не договорив, Ромка исчез за киоском. С трудом удерживая собаку, Славка остался на месте.

Вернулся Ромка очень скоро, минут через десять, и развел руками.

– Они в метро почесали. Я не успел их догнать.

– Ну и ладно, зачем они нам? Ты ведь, кажется, собирался в аптеку?

– Идем. Но почему этот небритый показался мне жутко знакомым?

Дома Ромка отдал Лешке лекарство и, тяжело вздохнув, сел за стол. Открыл энциклопедию, нашел нужную статью про ссылку Пушкина в Михайловское и стал выборочно ее переписывать. И вдруг перед ним всплыло лицо бородатого человека с холодными, жесткими глазами.

Ромка повернулся к двери и крикнул:

– Лешка, я сегодня одного бородатого типа встретил. Побежал за ним и упустил. Типа... – Он услышал собственный голос и занервничал: – Лешка, а не тот ли это тип?

– О чем это ты? – отозвалась с кухни Лешка и подошла к нему.

– Да тип. Это тот... Которого так и не опознали. Точно – он! Только он теперь с бородой. Ты понимаешь? – Ромка застыл с поднятой ручкой, горящими глазами смотря на сестру. – Мы стояли у киоска. А он шел мимо. С дядей Витей. Тот! Понимаешь, тот!

– Тот?! – с ужасом и недоверием переспросила Лешка.

– Ну да.

– Ты уверен?

– На все сто и больше! Уже не сомневаюсь ни чуточки. Тот самый, который Джима украл, у Венки фотоаппарат спер и еще Славкину Ирку чуть машиной не сбил. Вот это да! Надо срочно Славке сказать. Он его первый увидел.

Но Славка не отвечал, видимо, не взял с собой телефон.

Лешка плюхнулась в кресло и в который раз вспомнила неброского человека с цепким холодным взглядом, его красивую внешне змеюку-подругу и историю Славкиной Ирки... Бр-р-р. Неужели он опять объявился?

Ромка открыл окно, напустив в комнату холода, лег животом на подоконник и свесился вниз, пытаясь высмотреть во дворе Славку с Джимом. Но их не оказалось и там.

Не в силах справиться с волнением, Ромка возбужденно забегал по комнате.

– И где он может быть? Лешка, кому еще сказать-то? Его ж менты столько времени ловят и никак не могут поймать. И вот он, нате вам, тут как тут. Причем опять в нашем районе.

Может, Темке позвонить? Хотя как он нам поможет из своей Англии? Лучше в полицию. Или сбегать туда? Прямо сейчас. Надо же что-то делать!

Ромка кинулся к вешалке, сорвал куртку, но Лешка его остановила:

– А что ты им скажешь? Что встретил человека, похожего на того типа? И что понятия не имеешь, куда он пошел?

– Дядя Витя знает.

– Так он и расколется. Скажет, что это был простой собутыльник, причем случайный, и ты ничего не докажешь.

Ромка развел руками:

– А как же быть-то?

Лешка тряхнула головой, отгоняя от себя страшные мысли.

– Никак. Что тут сделаешь? Он уже далеко, а Москва большая. Лучше садись обедать, а потом уроки учи.

Немного поостыв, Ромка пообедал и снова засел за свое сочинение. Но мысль о неопознанном типе не давала ему покоя.

– Лешка, я знаю, что делать! И как я сразу не сообразил! Надо мне дядю Витю побыстрее самому расспросить, с кем он по улице шел. Всего-навсего. И сделать это так, чтобы он ни о чем не догадался. Его-то как найти? Может, в домоуправление сбегать? Если он вернулся туда.

– Не вернулся. Мама говорила, что после обеда слесарей не дозваться, так как задания им утром дают.

– И что, ждать до завтра?

– Выходит, что так.

Их разговор прервал телефонный звонок. Это был Славка.

Глава IV

Ограбление

- Славка, где тебя носит?! – заорал Ромка.
- Голос у Славки был взволнованным донельзя. Он не говорил, а почти кричал:
- Я в магазин ходил. А потом мне позвонил дядя Андрей. Нет, ты себе только представь! Все-таки его обокрали! Где-то через час после того, как мы с тобой там были.
- Как так? – поразился Ромка. – Сигнализацию отключили, что ли?
- Никто ничего не отключал. Охрана снова прибыла вовремя, то есть ровно через четыре минуты после сигнала. Как и перед тем, когда тревога ложной была. А быстрее не бывает.
- Вот и нет, бывает и три минуты.
- Да какая разница, три или четыре. Короче, его дверь, как и вчера, была закрыта, и полиция поначалу решила, что сигнал опять ложный. А оказалось, вор все успел до их приезда. Только дверь оказалась захлопнута. С другими замками на обратном пути вор возиться не стал.
- А что он украл? – спросила Лешка.
- Книжку. Вернее, две книжки, то есть двухтомник.
- И больше ничего?
- Ничего вроде. Других пропаж дядька не обнаружил.
- А что за двухтомник такой? Очень редкий?
- Довольно-таки. Автор – Шильдер. Слышали о таком?
- Не-а, – честно признался Ромка – Никогда.
- Я тоже, – сказала Лешка, вникая в их разговор.
- Ну, он в прошлом веке жил и описывал биографии наших царей. И сам же их издавал. Очень, между прочим, клевые книжки, и картинки в них прикольные, разноцветные. Понятия не имею, как их тогда печатали. Я как-то раз этот самый двухтомник листал, когда доклад о декабристах готовил. Вот как раз его и украл. А называется он «Император Николай Первый».
- И очень он дорогой, этот «Император»?
- Ну, наверное, не дешевый. Книги же эти давно издавались, в конце девятнадцатого века и в самом начале двадцатого. И среди книжников ценятся, особенно когда собрание сочинений полное. А у дяди Андрея теперь Шильдер разрозненным будет.
- А вору зачем разрозненное? – удивилась Лешка. – Почему он не все украл?
- Не знаю я почему. Может быть, другие у него уже есть. А кстати, все бы он не унес. Вы бы их видели! Каждая такая книжечка весит килограммов пять или шесть, никак не меньше, мне кажется. Но самое странное – это то, что рядом стояли книжки и поменьше, и полегче, и притом гораздо дороже.
- Значит, ему нужны были эти, – задумчиво сказал Ромка.
- Ну да. И углядел он их всего за три-четыре минуты. Вот я, например, когда они мне понадобились, пока их отыскал, дядькины шкафы минут десять осматривал, хоть те тома и большие, и стоят на виду. Значит, кто-то его навел, заранее объяснил, на какой полке они находятся. Так ведь? Но кто? И зачем?
- А во сколько это было? – заволновался Ромка.
- Я знаю, о чем ты подумал. Это было как раз перед тем, как мы дядю Витю с бородатым мужиком встретили.
- А в руках у того типа сумка была тяжелая...
- Я обратил внимание. Елки-палки, я вот что подумал... Я понял, кого он мне напоминает. Того страшного типа, ну, рецидивиста, помнишь его?

– Еще бы. Я давно это понял, да до тебя не смог дозвониться. Так вот кому книжки твоего дядьки понадобились!

– А может, вы ошибаетесь и он случайно шел мимо? И не с книжками, а еще с чем-нибудь еще? – с робкой надеждой сказала Лешка.

– Ага, прогуливался, – язвительно возразил Ромка. – Лучшего места в Москве не нашел, кроме как неподалеку от нас.

– Но зачем они ему? Продать? Неужели на них можно обогатиться? Лучше ограбить банк, в крайнем случае магазин.

– Мало ли. Может, ему заказали их украсть.

– Ой, люди! – вдруг испугался Славка. – А вдруг он опять нападет на Ирку?

Ромке пришла в голову такая же мысль. Но он ее отбросил и постарался утешить друга.

– Хотел бы, давно напал. А он только книжки спер. Может, и не он это вовсе, а другой вор, похожий на того типа. Сам сказал, таких мужиков полно. Давай лучше подумаем, кто его навел на этого, как его, Шильдера. А скажи мне, Славка, что делала твоя Ирка, когда дядя Витя ее цепочку тырил? Мог он и книжки заодно присмотреть?

– Можно ей позвонить. Прямо сейчас.

– Не надо. По телефону всего не выяснить. Давай к ней завтра ходим. Сразу после школы.

– Давай.

– И если это тот тип, мы его быстро заловим! Такие злодеи должны сидеть в тюрьме, а не разгуливать на свободе.

– А тебе не страшно?

– Мне-то? Между прочим, смелым помогает судьба. Это, знаешь, кто сказал? Поэт Вергилий, древнеримский классик, который написал «Энеиду». Марон Публий его звали, кстати.

– Я знаю, кто такой Вергилий, – сказал круглый отличник Славка.

– Так запомни его слова и ничего никогда не бойся. Понял?

– Понял, – с глубоким вздохом ответил друг.

Попрощавшись со Славкой, Лешка испытующе посмотрела на брата.

– А если это тот тип, ты правда его не боишься?

– Я-то? Ничего и никого. Кроме Веры Анатольевны.

И Ромка, вздохнув не менее тяжело, снова засел за литературу.

– Сойдет и так, но ты можешь лучше, – заметила Вера Анатольевна, пролистав на другой день его писанину.

Ромка пожал плечами. Разве ж ей объяснить, что есть дела гораздо важнее, чем Пушкин с его ссылкой в село Михайловское?

Он с трудом дождался звонка с последнего урока и, подождав Славку, отправился с ним к его двоюродной сестре.

Ирка оказалась дома. Ромка вошел в комнату, именуемую библиотекой, огляделся и, так как из-за задернутых штор было темно, прищурился. Шторы днем раздвигали чуть-чуть, чтобы книги не выгорали на солнце.

– Ир, а книжки те где стояли? – без всяких предисловий, включив свет, спросил Ромка.

Девушка показала ему на пустой промежуток между огромными томами в коричневых кожаных переплетах.

– Вот здесь.

– А дядя Витя, слесарь наш, в этой комнате был? Ну, когда он у вас что-то там ремонтировал. Раз он твою цепочку спер, то и сюда мог прийти на разведку, присмотреть, где что стоит.

Ирка отрицательно покачала головой.

– Нет, здесь он не был.

– Точно?

– Абсолютно. Здесь я сама сидела, к семинару готовилась. С места не сошла, пока он не ушел. А цепочка в прихожей лежала, у зеркала, и ему под руку попала.

– Странно. Почему же тогда он шел с этим типом? – подумал вслух Славка. – Или все же не тот это тип?

– С каким еще типом?

– А с тем самым... Ну, с тем, который Джима украл и тебя чуть не сбил. Или нам показалось...

Славкина сестра замерла. Глаза ее расширились.

– Вы о ком? О том самом?

Ромка наступил Славке на ногу.

– Да нет, скорее всего, мы ошиблись. Еще ничего не ясно. Тот тип без бороды был, а этот бородатый. Помятый какой-то. И вообще похожих людей полно.

– Пусть не тот, пусть похожий. – Ирка судорожно вздохнула. – Но зачем таким наши книжки? Не читать же?

– Заказал кто-то, видно. Такие люди обычно в «шестерках» ходят: что им прикажут – то и делают, – компетентно разъяснил Ромка.

– Мерзкая «шестерка». А вдруг это он все же?

Хотя в комнате было тепло, Славкина сестра зябко поежилась. Она изо всех сил скрывала свой страх, но его все равно было видно. Оно и понятно: если этот тип побывал в их доме, то неизвестно, чего еще от него надо ждать.

– Ты лучше скажи, кто у вас бывал в последнее время? – затормошил Ирку Ромка, чтобы заодно отвлечь ее от тревожных мыслей. – Кто мог знать об этих книжках и о том, где они стоят? Кто вообще к вам ходит?

– У папы уже сто лет никого не было, а ко мне только Светка да Юлька. Парус иногда. Денис Парусов то есть, – рассеянно ответила Славкина сестра, глядя поверх их голов.

– А еще день рождения у тебя был на прошлой неделе. И куча народу, – напомнил Славка. – Я тебе еще капустный пирог и заливное приносил, бабушка наша готовила. Кто к тебе приходил?

– Да все те же. Светка. Ленка с Игорем. Антон. Парус. И Юлька с Кириллом. Вот его я знаю плохо. Это Юлькин друг, не мой, она недавно с ним познакомилась.

– Зуб даю, что дядька не утерпел и похвастался перед ними своими редкими книжками. Ирка вздохнула.

– Это он любит.

– А те, украденные, он им показывал? – уточнил Ромка.

– Не помню. Они, кажется, все сами рассматривали. Парус еще сказал, что Николай Первый до сих пор не понят и не оценен по достоинству, а ведь он выступал против террора, к которому призывали некоторые декабристы, и вообще много всего хорошего сделал. А Игорь ему возразил.

Но Ромку в настоящий момент интересовали не декабристы и Николай Первый, а совсем недавнее прошлое.

– Ира, скажи, а кто из твоих друзей такими книжками интересуется?

– Кто? Светка с Юлькой точно нет. И Парус тоже. Ленка и Антон и подавно, они вообще не читают книг. Ой, да что я такое несу! – Ирка откинула волосы со лба и возмущенно посмотрела на Ромку. – Это же мои самые близкие друзья, и не могу я ни в чем их подозревать.

– А придется, если некого больше. И не все они тебе самые близкие. Вот Кирилл, например. Сама сказала, что он тебе не друг. Что ты о нем знаешь?

– Немного. Только то, что мне Юлька рассказывала. Но Кирилл – не тот вариант. Он крутой, на новом «Лексусе» ездит, в каком-то банке работает и таких книжек может сколько

угодно купить, да только они ему и даром не нужны, так как он не библиофил и уж тем более не преступник. И вообще он очень приятный и симпатичный парень.

– Пусть так, – покладисто сказал Ромка и потребовал: – Тогда вспоминай, кто еще у вас был. Может, из домоуправления кто? Или какие-нибудь торгошники?

Ирка задумалась.

– Нет, честно, никого больше не было. Месяца два – это точно. А поскольку папа этого своего Шильдера недавно переставлял, то тот, кто приходил раньше, не считается.

– Дядя Андрей сильно переживает? – с сочувствием спросил Славка.

– Еще как! Но говорит, что это все пустяки, бывает и хуже. Подумаешь, две книжки пропали! Стояли себе на полке, а теперь не стоят. Никого зато не убили, не взорвали, не похитили, и мы как жили, так и живем. И книжки эти не инкунабулы какие-нибудь. Будут деньги – приобретем другие. Только бы это был обыкновенный вор, а не тот жуткий тип.

– Будем надеяться, – вздохнул Ромка. – Но я постараюсь это узнать. Так просто мы это не оставим. Правда, Славка?

Славка молча кивнул.

– Полиция о краже знает, обещала принять меры, – сказала Ирка.

– Да она, твоя полиция, до сих пор не нашла того типа. А книжки ваши ей вообще сто лет снились. Пойдем, Славка, у нас с тобой еще масса дел.

Глава V

Поломанный кран

Два друга спустились во двор, и Ромка не без смущения спросил:

– Славка, ты мне скажи, что это за икунабула такая?

– Инкунабула, – с видом знатока поправил Славка, – это книжка, напечатанная в Европе до первого января тысяча пятьсот первого года.

– Да? А у твоего дядьки есть хоть одна?

– Кажется, есть. Ничего особенного. Что-то потрепанное, тоненькое, похожее на журнал.

– А почему тогда не украли ее? Ведь она, наверно, куда дороже, а нести ее легче?

Славка пожал плечами.

– Я ведь и сам говорил, что это очень и очень странно.

– А ты знаешь, что говорил Лихтенберг? – Ромка не преминул показать, что он тоже не лыком шит. – «То, что кажется странным, редко остается необъясненным».

– А кто такой Лихтенберг?

– Немецкий мыслитель и физик. Восемнадцатый век.

– Понятно. Другими словами, все тайное становится явным. Так?

– Именно. Ну, пока. Ты с Джимом повремени, я сначала выведу Дика.

Ромка хлопнул Славку по плечу и скрылся в своем подъезде.

Недавно прочитанное и случайно всплывшее в памяти изречение немецкого философа Лихтенберга неожиданно окрылило Ромку. Надо действовать, причем срочно, решил он, и потому бедный Дик не обнюхал и трех кустов, как Ромка затащил его обратно домой, а сам скрылся в ванной.

– Ты бы сначала пообедал, а потом уж купался, – услышав шум льющейся воды, крикнула ему Лешка и удивилась: чего это он среди бела дня надумал лезть в ванну, ведь вечером не заставить мыться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.